

Сулажин

Автор:

Борис Акунин

Сулажин

Борис Акунин

Это не просто книга, а литературная игра, в которой главное зависит от самого читателя. После первой главы вам придется выбирать, какой дорогой пойти дальше. Повернуть назад будет уже нельзя – совсем, как в жизни.

Куда вы в конце концов попадете – к хэппи-энду или в могилу, в рай или в ад – будет зависеть от принятых вами решений.

А еще это тест, по итогам которого вы получите заключение психолога о вашем типе личности.

Борис Акунин

Сулажин

книга-осьминог

© В. Akunin, 2019

* * *

ОСТОРОЖНО! ЭТО НЕ ПРОСТО КНИГА!

Это тест, которому вы сами себя подвергнете – и результат которого может вас удивить.

Читать книгу нужно так. В финале каждой главы вам придется выбрать один из двух вариантов. И перейти на указанную страницу.

Точек, где нужно принимать подобные решения, будет три, и каждая не так проста, как кажется. Будьте осторожны. Хорошенько подумайте, прислушайтесь к себе.

Книга-осьминог вынудит вас выбрать только один из ее восьми щупальцев, пройти по нему до самого кончика и получить заключение психолога: что вы за человек.

Волнуюсь за вас. Счастливого пути!

Борис Акунин

Этот проект существует и в электронном виде – с музыкой и разными аксессуарами: <http://osminogproject.com/> (<http://osminogproject.com/>)

Часть первая

Если б не сулажин. Ночью от волнения мне не удалось бы сомкнуть глаз. Лев Львович сказал: «Это переменит твою жизнь. А ее необходимо переменить». Он слов на ветер не бросает. Если сказал, что переменит. Значит, так и будет. Никому на свете я не доверяю так. Как ему.

Мою жизнь. Что от нее осталось. Обязательно нужно переменить. Долго я так не выдержу. Уж три месяца точно не выдержу.

«Перед сном прими таблетку, – сказал Лев Львович – Вне зависимости от болей. Просто чтобы выспаться».

Лекарство помогло. Оно никогда не подводит. Сон был ровный, без пробуждений. Действие сулажина продолжается двенадцать часов. Поэтому утром всё покачивалось, подплывало. А когда к середине дня мир стал фиксироваться. Твердеть углами, выпячиваться шипами. И острые, враждебные выступы начали в меня вонзаться. Всё больней, больней. Пришлось принять еще одну таблетку.

Теперь мне хорошо. Только мысли, как обычно, короткие. Короткие и немножко путаются. «Мысли с коротким дыханием». Это Лев Львович так говорит. Он умеет находить точные слова.

Звоню ему в половине восьмого. Ритуал такой. Называется «звонок Другу».

«Ну что, – говорю, – идти?» – «Обязательно, – отвечает. – Я что мог сделал. Мои возможности исчерпаны. Не мой профиль. Теперь только этот Громов. Если то, что я про него слышал, правда. Он работает без лицензии. И кто бы дал ему такую лицензию? Конспирируется, прямо карбонарий. Но я выяснил, проверил. Громов – тот, кто тебе нужен. Он действительно помогает таким, как ты. Когда вернешься, позвони. Всё расскажешь. Подробно. Тогда решим, то это или не то».

Лев Львович никогда не говорит о себе. Я понятия не имею. Есть ли у него семья. Чем он интересуется. Что читает. Странно, что он помянул карбонариев. У меня на столе книга про карбонариев. Я в последнее время могу читать только историческую литературу. Не знаю почему. Совпадение, конечно. Случайное. Просто Лев Львович, как мне иногда кажется. Знает всё на свете. В том числе про меня. Неудивительно, если учесть. Сколько я ему про себя рассказываю.

Потом он подробно объяснил, как там у Громова и что.

На память сулажин не действует. У него есть другие побочные эффекты, но на память он не действует. Помнить всё помнишь. Иногда даже то, чего на самом деле не было. Это ведь экспериментальный препарат, в нем не всё еще отработано. Лев Львович говорит, что сулажин пока испытывают. Не знаю, что бы со мной было без сулажина. То есть, догадываюсь, конечно.

Инструкции очень точные. Я следую им в совершенности.

Еду на метро. Потому что, если взять такси, с московскими пробками никогда не угадаешь. А своей машины у меня нет, уже давно. Не факт, кстати, что под рулем можно садиться за руль. Наверняка нельзя. Какая езда, если всё будто слегка не в фокусе.

В метро час пик. Хотя большинство пассажиров возвращаются в спальные районы. А я наоборот еду в центр. Вагон переполнен. Вокруг столько людей. Я существую от них отдельно. Уже две недели. И навсегда. Ну, в смысле, не навсегда. «Навсегда». Ха-ха.

Я смеюсь. На меня оборачиваются. Кто обернулся, задерживает взгляд. Обычное дело. У меня такое лицо, что люди на него смотрят. Теперь-то мне это все равно. А раньше нравилось.

От «Пушкинской» иду пешком. Вдоль улицы стоят и светят огнями машины. Смотришь вперед – огни желтые. Обернешься – красные.

Станный город Москва. Всё шиворот-навыворот. Медленный человек движется, быстрые автомобили стоят. Весной природа должна оживать, а от голых деревьев несет смертью. Светятся окна, но людей внутри нет. Ведь это центр, сплошные офисы, рабочий день уже кончился.

Я чувствую себя инопланетным существом, которое понимает устройство здешней жизни. Потому что готовилось к приземлению, изучало данные. Но всё вокруг неродное, чужое, бессмысленное. Низачем. Но мне лучше. Мысли уже не дергаются, не пунктируются.

Вот нужный адрес.

Арка, всё правильно. Двор пройти насквозь. Направо за угол. Глухой колодец из кирпичных стен.

Дверь в полуподвал.

Вывеска «Подготовительные курсы». Это здесь.

Лев Львович хорошо объясняет. А я хорошо запоминаю.

Он сказал: «Звони три раза короткими. Один длинный. Потом два коротких. Не ошибись, а то не откроют».

Звоню, как велено. Справа над дверью камера. Поднимаю лицо, чтобы меня было лучше видно. Сейчас должны спросить: «Вы к кому?»

– Вы к кому? – с потрескиванием спрашивает щиток, весь в дырочку.

Я называю свою фамилию и прибавляю: «Вам звонили».

Только теперь жужжит замок, дверь приоткрывается.

Спускаюсь, с каждой ступенькой всё сильнее волнуюсь. Мне очень нужно переменить жизнь. Очень.

Коридор. Опрятный. Даже, пожалуй, стильный. Это дорогая простота: обитые бордовой тканью стены с дубовыми панелями. Цветные литографии с рысаками и охотничьими собаками.

Всё это должно стоить больших денег. Значит, помощь Громова обойдется недешево.

Ничего. Был бы прок. А денег я достану.

Где-то играет тихая музыка. Армянская свирель, как ее? Дудук.

Двери слева и справа. Одна приоткрылась.

Выглядывает молодой человек. Худой, в серой водолазке. Череп лысый или начисто обритый. Глаза, как у больной собаки.

Я смотрю на его руки, торчащие из засученных по локоть рукавов. Жилистые руки, сильные, со слегка разбухшими суставами. Интересные руки. Вообще интересный субъект.

– Вы Громов?

– Что вы. Я ассистент. Хорошо, что вы пришли раньше. Мне нужно заполнить анкету и отнести Учителю. А занятие начнется ровно в девять. Когда все придут.

Испытываю неприятное удивление.

– Все? Это что, группа? Но я не хочу в группе!

– Так лучше, – быстро говорит ассистент. Брови у него двигаются, и от этого вся кожа на голом черепе ходит туда-сюда. – У нас система. Не понравится – уйдете и не вернетесь.

– А... сколько это стоит? – осторожно спрашиваю я.

– Не беспокойтесь. Всё индивидуально. И никому не обременительно. Каждый делает добровольный взнос. Сколько пожелает, и необязательно в денежной форме.

Мы в маленьком кабинете. Тоска, а не кабинет. Не на чем остановиться глазу. Стол, оргтехника, стеллажи. Ни картинки, ни календаря. Мне нравится этот кабинет. Похож на меня. Ха-ха. Нервозность немного отступает.

Вопросы вначале обычные. Отвечать на них легко. Адрес, семейное положение, ближайшие родственники, профессия, краткая биография. Потом лысый спрашивает про неприятное. Но кабинет бесцветен, ассистент бесплотен, тихий перестук клавиатуры бесстрастен. Рассказываю всё, как есть, и даже не дрожу голосом.

Он задает еще несколько уточняющих вопросов. Бьет по клавише.

– Всё, – говорит, – отправил. – И показывает куда-то за стенку. – А вы идите в гостиную. Это налево до конца. Скоро подойдут остальные четверо, и начнется. У нас никто не опаздывает.

Гостиная не похожа ни на пуританский кабинетик ассистента, ни на буржуазно-англоманский коридор. Она голая, белая. Несколько стульев в кружок, в стороне

стол – и всё.

Сажусь, жду. Время от времени смотрю на часы. Сердце бьется гораздо быстрее, чем сменяются секунды на электронном циферблате.

Без четырех минут девять входит женщина в темных очках с зеркальными стеклами. Кивает, садится. Не рядом. Ей удобно меня разглядывать, глаз-то не видно. Но смотрит она на меня или нет, непонятно. Слишком неподвижно она сидит.

Молчим.

Женщина не молодая и не старая. Одета дорого, но небрежно. Губы не подкрашены, ногти без лака и, кажется, даже без маникюра. Стянутые в узел волосы и большие очки делают ее похожей на стрекозу.

Не то чтоб мне было интересно, кто она и что с ней. Просто в пустой комнате смотреть больше не на что.

Снова шаги. Мужчина. Лет пятидесяти. Ввалившиеся глаза. Шея с огромным кадыком торчит из слишком широкого ворота. Но рубашка безукоризненно бела, галстук аккуратно повязан, коричневый твидовый пиджак застегнут на все пуговицы. «Черепак», – думаю я.

Тоже молча кивает. У них тут не принято разговаривать?

Сразу же появляются еще двое. Они пришли вместе, что уже странно. Он и она. В коридоре они о чем-то вполголоса переговаривались, но в гостиную вошли молча. Он наклонил голову, она нет. Сели рядышком.

Оба молодые. Лет тридцать или около. Она, в отличие от Стрекозы, следит за собой. Брюнетка, очень сильно подведенные глаза. Цвет лица жуткий. Желтый, будто прогорклое масло. Никаким тоном не замаскируешь. Спутник у нее румяный, кудрявый. Такой губастенький бейби-фейс в гошоватой кожаной куртке. Он-то зачем здесь, этот здоровячок?

Что-то меня нынче тянет на зоологические сравнения. «Гюрза» и «Баранчик» – так я называю непонятную пару. Интересно, какую зверушку напоминаю этим людям я?

– Энимал плэнет, – говорю я вслух. И смеюсь.

На меня смотрят с испугом. Черепах (он сидит ближе всех) чуть отодвигается вместе со стулом.

Мне делается еще смешнее. Это нервное, я знаю. Ассистент сказал «остальные четверо». Значит, все в сборе?

– Звери на арене. Где дрессировщик? – говорю я.

Никто кроме меня не смеется. Даже не улыбается.

Нет, сзади кто-то тихо рассмеялся.

Оборачиваюсь.

Коротко стриженный человек в спортивном костюме, плотно обтягивающем поджарую фигуру, стоит и смотрит на меня. Лет ему, наверное, столько же, сколько мне. Плюс-минус. Совершенно застывшее, холодное, словно вырезанное изо льда лицо. Непонятно, как это можно смеяться, не раздвигая губ. «Хе-хе-хе», одним горлом. А глаза, наоборот, подвижные, живые, горячие. Так и шарят по мне.

Ну уж это точно Громов.

– Правда, похоже. – Говорит Громов почти без артикуляции. Но голос звучный, красивый. Такой хочется слушать. – Когда я был пионером, ходил в зоологический кружок. Он тоже был в подвале. Назывался «Живой уголок».

Если он был пионером, значит, старше. Мне тридцать четыре, и в моей прогрессивной школе пионеров уже не было.

Да, старше. Он подходит, я замечаю морщинки вокруг глаз. Откуда они могли взяться, если человек совсем не пользуется мимикой?

– А у вас здесь «Мертвый уголок», – продолжаю шутить я, хоть отлично понимаю, что шутка идиотская. Мягко говоря.

Скрип стульев. Кажется, зверинец рассердился. Но я смотрю не на них – на Громова. Он один здесь имеет значение.

Сейчас он скажет что-то не то – повернусь и уйду. Мне плохо в этом мертвом подвале! Я хочу во двор, где сырой воздух, запах помойки, холодная капель с крыш. Где жизнь.

– Да, это мертвый уголок, – соглашается со мной Громов.

Он больше не издает квохтающих, горловых звуков. Он серьезен. Подходит, встает рядом со мной. Смотрит сверху вниз. Хочу встать со стула – опускает руку на мое плечо. Движение мягкое, а ладонь тверже камня.

– Мы здесь этого слова не боимся. И вы скоро перестанете бояться.

Теперь он обращается к остальным:

– Нашего полку прибыло. Позвольте представить.

Я жду, что Громов назовет меня по имени, но он говорит:

– Рак желудка. Терминальная стадия. Осталось три месяца.

Все смотрят на меня, и я съеживаюсь. Как будто с меня содрали всю одежду, выставили напоказ. И даже нельзя прикрыться руками.

– Вам я тоже всех представлю. – Это Громов говорит мне. – Но сначала объясню, кто я такой и чем мы здесь занимаемся. Здесь у нас...

– Подготовительные курсы, – враждебно прерываю я, еще не отойдя от потрясения. – На вывеске написано.

– Именно так. – Он улыбается одними глазами. Вот откуда морщинки. – Здесь готовят к примирению с неизбежным людей, которым не может помочь медицина. Я научу вас не бояться смерти. И последний этап вашей жизни, сколько бы он ни продолжался, не будет отравлен страхами, горечью неисполненных желаний, ненавистью к окружающему миру и к здоровым людям. Главное же – я помогу вам избавиться от гнетущего одиночества, которое ощущает человек обреченный. Ведь вы именно за этим сюда пришли?

Я опускаю голову. Мне трудно выдерживать этот пронизывающий, сияющий взгляд. Боюсь разрыдаться.

– Одним больше помогают индивидуальные занятия, другим коллективные. Но в первый раз человек непременно должен пройти через испытание публичностью. Это шок, но шок благотворный. Нужно раскрыться, снять все защитные слои, в которые вы спрятались, как в кокон. Иначе ничего не выйдет.

Краем глаза я замечаю, что Черепах кивает.

– Поверьте мне, – просит, даже умоляет бархатный голос. – Вы должны мне доверять. В этом залог успеха. Я хочу помочь вам. Я желаю вам добра. Сейчас у вас, я знаю, ощущение, будто вы стоите в чем мать родила на улице, перед одетыми. Но у нас здесь не улица. Это баня. Даже парилка. – Снова раздается горловое «хе-хе». И вокруг тоже звучит тихий смех, от которого я вздрагиваю. – Начну с себя.

Удивительные глаза больше не улыбаются. Смотрят на меня печально и строго. Я гляжу в них не отрываясь. Этому взгляду нельзя не верить.

– В прежней своей жизни я очень часто находился на пороге смерти. Такова уж была моя профессия. Четырежды гибель казалась совершенно неизбежной, и четыре раза я прощался с жизнью. Дважды я действительно умирал. Кажется, я представляю собой уникальный в медицине случай – не просто два раза перенес клиническую смерть, но еще и сохранил отчетливые воспоминания о так называемых «пост-мортемных видениях». Пресловутый «тоннель» существует на самом деле – такой, как описано в литературе. Или изображено на известной

картине Босха. После второго такого переживания, особенно яркого и реалистичного, я наконец понял, что должен оставить свои прежнюю работу. Мое назначение – готовить таких, как вы, к мирному отправлению в Тоннель. Это как в метро. Сажаю вас в вагон, вы машете мне рукой. Осторожно, двери закрываются. А следующая остановка – уже «Ботанический сад».

Поразительно, но Громов опять смеется, и слушатели ему вторят. Меня же начинает пробирать дрожь.

– И я буду ходить сюда все три месяца?

– Нет, что вы. Обычно курс продолжается недолго. В среднем пять-шесть занятий. В особенно трудных случаях десять. Но бывает, что довольно и пары уроков. Слушатель сам чувствует, что ему уже достаточно. Прощается со мной и уходит. Мы расстаемся с улыбкой. Я счастлив, когда отпускаю человека, который пришел ко мне слабым и дрожащим от страха, а уходит сильным и успокоенным. Но хватит предисловий. Давайте начинать занятие. Не будем испытывать терпение остальных. Здесь ведь у каждого своя беда.

В коридоре шаги. Легкие, танцующие. Никто еще не вошел, а уже по звуку можно определить: это женщина. Красивая, молодая, самоуверенная.

Так и есть.

Эффектная брюнетка с нервным, очень белым лицом, в брючном костюме из тонкой лайки останавливается на пороге. Все оборачиваются. Она смотрит только на Громова. Я не понимаю, что означает легкая судорога, проходящая рябью по ее чертам. Волнение? Отвращение? Или, наоборот, восторг? Может быть, просто насмешка?

– Я в последний раз. – Хрипловатый голос пресекается. – Попрощаться. Больше вы меня не увидите.

Поворачивается, чтобы уйти, но напоследок скользит взглядом по сидящим. Глаза смотрят прямо на меня. Что-то меняется в этом поразительном лице. Что-то в балансе света и тени.

Ресницы дрогнули, будто подавая мне знак. Женщина выходит, но в этом подрагивании ресниц мне померещился зов.

– Прощайте, – говорит Громов в спину женщине. Говорит печально. Или, может быть, озабоченно. – Не будем отвлекаться.

Я понимаю: он обращается персонально ко мне.

– Обернитесь и смотрите мне в глаза. Я чувствую, что вы раскрылись, между нами возникла связь. Но эта связь эфемерна. Мгновение – и уйдет.

Выбор следующей фразы:

1. Сейчас, еще секунду. Мне почему-то хочется увидеть, как исчезнет, скроется за углом стремительная фигура. Женщина позвала меня за собой? Но почему? Зачем? Я ее не знаю, впервые вижу. (Вам на эту страницу (#s23))

2. Тряхнув головой, я отгоняю нелепую фантазию. Куда может звать меня женщина, которой я знать не знаю? Оборачиваюсь к Громову. (Вам на эту страницу (#s47))

Часть вторая

ветвь первая

Сейчас, еще секунду. Мне почему-то хочется увидеть, как исчезнет, скроется за углом стремительная фигура. Женщина позвала меня за собой? Но почему? Зачем? Я ее не знаю, впервые вижу...

– Вы ко мне повернетесь или нет?

В голосе Громова прозвучала легкая нота раздражения. Я обернулся. Не я один смотрел вслед той женщине – все кроме Громова провожали ее взглядом. И выражение лица у каждого было странным. Хотя в этом паноптикуме нормальных лиц вообще не было. Разве я сам выглядел нормально?

– Извините...

Громов посмотрел мне в глаза, покачал головой.

– Поздно, момент упущен. У вас очень сильная броня. Минуту назад вы приоткрылись. А теперь опять глухая стена. – Он вздохнул. – Слишком твердый характер. При вашей биографии это неудивительно. Ничего. Я буду наблюдать за вами и ждать.

Это человек действительно разобрался в психологии. Не знаю почему, но взгляд черноволосой женщины что-то во мне изменил. Я уже не чувствовал себя подопытной лягушкой, которую сейчас начнут препарировать. Когда Стрекоза сказала: «Пусть расскажет про себя. Мы все через это прошли. Чем он лучше?» – я пожал плечами. Мой голос больше не дрожал.

– Хотите знать подробности? Ну что... Начались боли в желудке. Сначала глухие, потом сильные. У меня врач знакомый, очень хороший. Назначил обследование. Потом говорит: «Зачем ты столько терпел? Теперь ничего нельзя сделать. Можно, конечно, помучить тебя химией, но это ничего не даст. Ты мужик крепкий, поэтому говорю как есть. Три месяца у тебя остается. Максимум».

Глаз Стрекозы под зеркальными стеклами было не рассмотреть. Костлявые пальцы крутили перламутровую пуговицу на блузке. Угол тонкогубого рта скривился. Что означала эта гримаса? Недоверие, сарказм, презрение? Во всяком случае, не сочувствие. Заглянуть бы этой жухлой ведьме за очки.

– Про болезнь неинтересно. У всех примерно одно и то же, – сказала Гюрза. – В чем ваша проблема?

– То есть? Разве того, что мне осталось жить максимум три месяца, мало? Это по-вашему не проблема?

Громов опять улыбнулся одними глазами.

– Если проблема в этом, вы – легкий случай и долго ко мне ходить не будете. Но дело ведь не только в страхе смерти, правда?

– Колитесь. – Гюрза тронула свои черные густые волосы, опускавшиеся ниже плеч. Она была бы красавицей, если б не жуткая желтизна кожи. – У нас тут друг от друга секретов нет.

Я молчал.

– Хотите маленький сеанс стриптиза? – Она засмеялась. – Я когда узнала, что мне скоро карачун, сначала с перепуга по сексику ударила. Во все тяжкие. Напоследок.

Черепак оскалил неестественно белые, наверняка искусственные зубы:

– Ой, вы никогда про это не рассказывали!

Гюрза дернула костлявым плечом:

– Ничего интересного. На групповухе есть одно правило. Если приходит кто-то новенький, часто жметесь, стесняетесь. Напирать ни в коем случае нельзя, только кайф обломаешь. Никто не обращает на новичка внимания, все начинают заниматься делом, – она сделала похабный жест, – и человек сам потихоньку заводится, подключается.

Я обратил внимание, что Громов перестал участвовать в разговоре. Сел, сложив руки на груди. Смотрел на дверь. И вид такой, будто нас не слушает, а думает о чем-то своем.

– Что во мне, по-вашему, самое интересное? – Глаза у бойкой брюнетки были, как сверла. Мне доводилось встречать людей с таким взглядом. Самые опасные особи на свете. Невзирая на половую принадлежность.

– Вы красивая, – осторожно сказал я.

– Ага. – Гюрза рассмеялась и вдруг дернула себя за локон. Черный парик соскользнул. Обнажился совершенно голый череп. – Залюбуешься, какая краля.

Что случилось с моей хваленой наблюдательностью? Как я мог не заметить, что волосы фальшивые? Это сулажин виноват. Ну и психоз, конечно. Хорошо, что я ушел со службы, хоть Лев Львович и отговаривал. Убеждал, что мне надо с головой погрузиться в работу. Это в моем положении лучше всего. Много от меня было бы проку в таком хреновом состоянии.

Черепях хихикнул, похлопав себя по точно такой же, как у Гюрзы, лысой макушке. Очевидно, он видел этот трюк раньше. А Баранчик, до сих пор не раскрывший рта, глазел на свою спутницу всё с тем же обожанием. Я ей даже позавидовал. Пускай он по виду болван болваном, но не бросил же. Не отшатнулся. Даже сюда за ней притащился.

– Самое интересное во мне то, что я оторвалась. Как тромб. – Гюрза зачем-то ткнула острым локтем своего обожателя. Он застенчиво улыбнулся. Щеки пошли ямочками. – В какой-то момент страх взял и пропал. Я почувствовала себя самым свободным существом на свете. Что хочу – то и сделаю. Чего мне бояться? Кто меня теперь чем-то испугает? Не понравится кто-нибудь – возьму и грохну. Как от не фига делать. Так что вы со мной повежливей. Очень советую.

– Совет не по адресу, – ответил я. – Грохните, сделайте одолжение.

Шутить я не собирался, но все одобрительно засмеялись, а Черепях заметил:

– Наш человек.

Я посмотрел на Громова – и встретился с ним глазами. Оказывается, он и слушал, и наблюдал. За мной. Внимательно.

– Работаем, – коротко сказал он. – Случай нетривиальный, но работаем. Спасаем общество от лишних жертв. Вы ведь в людях хорошо разбираетесь?

Я кивнул.

– Как по-вашему, правду говорит Оксаночка или интересничает?

– Правду. Буду с ней предельно вежлив. На самом деле я хочу прожить свои три месяца до конца.

Все опять засмеялись. А Гюрза перестала пиявить меня глазами.

– Ну а что скажете про Альбину? – Громов сделал легкий поклон в сторону Стрекозы. – Это еще более трудный случай.

Я повернулся к немолодой тетке. Попытался сосредоточиться. Мешали два моих отражения в зеркальных стеклах.

– Даю подсказку. Альбина – владелица кафе.

– Тоже онкология... – протянул я, рассматривая иссохшее лицо. Когда-то, еще недавно, голова у меня работала что твой процессор. Кафе? При чем здесь кафе?

– Ах, какая пронцательность, – прошипела Стрекоза. Бескровные губы задергались – того гляди плюнет в физиономию. – Прямо Шерлок Холмс.

– Синдром обиды. – Громов вздохнул. – В тяжелой форме. Ненависть ко всем окружающим. На первом занятии Альбина призналась, что все время думает об одном и том же. Не насыпать ли напоследок яду в кофейную машину. На кого бог пошлет.

– И насыплю, – сказала Стрекоза. – Вы меня пока не отговорили.

Он погладил ее по плечу.

– Время есть. Отговорю.

– Видеть их всех не могу! Будто я закупорена в бутылке, за стеклом. А они радуются, руками размахивают. Они все там, а я здесь.

Это-то мне было хорошо понятно. Если б я работал в каком-нибудь веселом месте вроде кафе, может быть, тоже всех бы возненавидел. Хотя вряд ли. Какое мне до них дело?

– Что скажете про нашего Игоря?

Громов показал на Баранчика, по-прежнему не сводя с меня глаз.

Ну здесь-то я был более или менее уверен. Даже позволил себе съязвить. На правах такого же приговоренного, как эти две стервы.

– Очарованный смертью. Влюбился в обреченную красавицу. Всюду за ней таскается. На тот свет, вероятно, тоже потащится.

Гюрза снова сверкнула на меня глазами. Я ухмыльнулся. Подмигнул. Хочешь кусить? Валяй. Видал я в своей жизни рептилий и поопасней.

Баранчик захлопал светлыми ресничками. Оп-ля! У него и слезы выступили.

– Опять мимо. Я не мог ошибиться насчет вашей проницательности, я в таких вещах не ошибаюсь. Значит, ваш интеллектуальный ресурс дезорганизовался вследствие потрясения... – Громов достал крошечную книжечку. Что-то в ней пометил. – Игорь ближе всех к смерти. Патологическая склонность к спонтанной тромбоэмболии. Развилась в результате неудачной операции. Тромб может оторваться в любую секунду. Это экстремально стрессовое состояние.

Теперь я понял, почему Гюрза толкнула Баранчика в бок, когда сказала об оторвавшемся тромбе.

– Поэтому эмоциональную близость с Оксаной надо только приветствовать, – продолжил Громов. – Они познакомились уже здесь. И полюбили друг друга.

– Встретились два одиночества, – подмигнул мне Черепах. – Романтично. Но недолговечно.

Сам не знаю, отчего я так разозлился на «дезорганизацию своего интеллектуального ресурса». Диагноз был точный, и рывкнул я не на Громова, а на Черепаху, в котором было что-то отталкивающее:

– Ну а с вами что? Вы давно сюда ходите?

Он улыбнулся:

- Дольше всех. Больше года.

- Что же это за болезнь такая, неторопливая?

- Сердечко. - Он комично скривил губы. - Три инфаркта, два шунта. Могу помереть в одночасье, а могу покоптить небо еще лет этак несколько.

- Я не хотел принимать Сергея Ивановича, - сказал Громов. - Это нетипичный для моих курсов случай. Но Сергей Иванович так упрашивал...

- И столько плачу за право присутствовать на этих беседах, - перебил Черепах. - Только здесь, в этом подвале, я ощущаю себя полноценно живущим. Там... - Он показал вверх и в сторону. - ...Там я доходяга, инвалид, по которому могила плачет. А здесь на общем фоне я здоровяк и долгожитель. Сколько за этот год интересных людей повидал. И пережил. Вас, бог даст, всех тоже переживу... Ой, как они на меня смотрят!

Он зашелся от смеха, перешедшего в поперхиванье.

Что правда, то правда: мы, все четверо, даже травоядный Баранчик, одинаково сдвинули брови, а Гюрза даже зашипела - того гляди жало высунет.

- Брэк, - поднял руку Громов. - Спасибо, Сергей Иванович. Достаточно. Вы думаете, что я пускаю вас сюда из-за денег, а на самом деле вы исполняете очень полезную функцию раздражителя, без которого не может эффективно работать ни одна группа. Но смотрите не переборщите. А то Оксаночка вас прикончит, и я потеряю сразу двух пациентов. Какой это будет удар для моей самооценки и репутации!

Кажется, Черепах в самом деле троллил нас вполне сознательно. Во всяком случае, он немедленно перестал хихикать, положил ногу на ногу и умолк.

- Разминка закончена, - легко сказал Громов. - Я понаблюдал за вами, Николай. И, пожалуй, готов сказать, в чем заключается ваша главная проблема. В какой именно точке сконцентрирован эпицентр вашего страха. Если мой диагноз

верен, это будет означать, что ключ у нас в руках. Останется лишь вставить его в замок и повернуть.

Я пожал плечами.

- Умирать страшно. Как любому человеку. Вот и вся проблема.

- Страх – одна из наиболее сложных, многогранных эмоций. – Громов грустно улыбнулся. Я начал привыкать к этой его странной улыбке одними глазами. – С моей точки зрения, страх – это, собственно, даже не эмоция, это болезнь. Страх опаснее и вреднее любого физического недуга. Он мучает, парализует, убивает. Но если есть болезни, поддающиеся излечению, то элиминировать страх всегда можно. Надо лишь правильно установить патогенез. Вам, Николай, только кажется, что вы боитесь смерти. На самом деле, если я правильно в вас разобрался, вы боитесь совсем другого.

- Чего это «другого»?

Я не мог взять в толк, к чему он клонит.

Громов поднял ладонь: погодите, не перебивайте.

- Корень проблемы в том, что вы храбрый человек. Привычный к риску. Я и сам был таким же. Мне легко вас понять. Вы ведь, выражаясь пафосно, не раз смотрели смерти в глаза?

- Приходилось...

- И ведь не трусили?

- Вроде нет...

- А сейчас чувствуете себя дрожащей биомассой и сами себя за это презираете. Наверное, мечетесь по дому? Бывает, что и плачете?

Я не ответил.

– Стыдиться тут нечего. – Громов заговорил тише, мягче. – Есть такой синдром, называется «Страх храбреца». В определенной специфической ситуации бывает, что люди слабохарактерные, даже робкие встречают смерть довольно спокойно, с достоинством, а прославленные смельчаки совершенно теряют лицо.

– В какой определенной ситуации? – пролепетал я.

– На эшафоте. У вас в анкете, в разделе «Изменение привычек», в графе «Чтение», написано: «Стал читать только историческую литературу». Это, кстати говоря, довольно распространенное явление среди моих пациентов с культурным уровнем выше среднего. У меня есть гипотеза, объясняющая этот психологический феномен, но не буду сейчас отвлекаться... Так вот, если вы хорошо знаете историю, вам наверняка известны казусы, когда храбрецы перед казнью молили о пощаде, или вырывались из рук палачей, или вопили. Я читал, что современников поразило малодушие, которое проявил на плахе Эдвард Стаффорд, доблестный рыцарь, победитель множества турниров, приговоренный к отсечению головы Генрихом Восьмым. Глава штурмовиков Рем, герой Первой мировой, когда его расстреливали, рыдал и бился. А вот трусоватый Риббентроп перед виселицей...

– Завязывайте с историей, а? – хрипло сказал я. Меня начинало трясти от этой лекции. Или от вкрадчивого голоса Громова. Или от чего-то другого. Не знаю. Я сам не понимал, что со мной.

– Хорошо. Я вот к чему веду. Храбрый человек – это человек, обладающий даром принимать быстрые решения в ситуациях повышенного риска. Когда есть выбор между тем, чтобы спрятаться от опасности или ринуться ей навстречу, он выбирает второе. Но должен быть выбор. А у осужденного на смерть никакого выбора нет. Вы, Николай, боитесь не смерти, а отсутствия выбора. Вы чувствуете себя связанным бараном, которому гарантированно перережут горло, и он ничего не может с этим поделать – только блеять...

Я зажмурился.

Откуда он знает?

Вчера ночью мне приснился кошмар. Именно про это. Как будто я снова в горах, в плену у «чехов», и меня сейчас зарежут. Вывернули руки, подносят к горлу

ржавый зазубренный тесак, а я не могу даже отвернуться – сзади тянут за волосы. Я проснулся с воплем.

– В слезах ничего стыдного нет, – быстро сказал Громов. – Плачьте. Это полезно...

Но расклеиваться на людях – до этого я еще не докатился.

– Покурю, – буркнул я сдавленно.

Быстро поднялся, чуть не опрокинув стул. Вышел.

– Bravo, маэстро, – пробасил за моей спиной Черепах. – Не устаю восхищаться.

Громов ответил ему:

– Молчите...

В коридоре я никак не мог вытащить из пачки сигарету. Не слушались пальцы. А когда наконец достал, увидел на стене табличку «Thank you for not smoking» – и бульдог в котелке с перевернутой книзу трубкой.

Окей. Покурить на свежем воздухе – это еще лучше.

Во дворе я вдохнул полной грудью весенний воздух. Дышать стало легче. Руки дрожали, но клочотание в горле утихло.

Чертов «маэстро» попал в самую точку. Бараном на бойне – вот кем я себя чувствовал все эти дни. И впервые подумалось: а может, хрен вам всем? Катитесь со своими тремя месяцами?

Не уверен, что Громов желал достичь именно этого эффекта. Но впервые за двенадцать дней тоскливый ужас немного отодвинулся.

Я сразу позвонил Льву Львовичу и рассказал про свою идею.

Он выслушал, не перебивая. Когда я замолчал, сказал:

– Ну, этот выбор у тебя остается всегда. И пистолет не понадобится. Есть способы получше. Застрелиться гораздо трудней, чем ты думаешь. Мне дважды приходилось доставать пулю из мозга несостоявшихся самоубийц. Оба выжили. Правда, одного парализовало, а второй остался идиотом... Нет, Николай. Я тебя к Громову не за этим посылал. Пусть он с тобой еще поработает.

И отключился. Он редко говорит «до свидания».

После разговора с Львом Львовичем мне, как всегда, стало легче. Я выпустил струйку дыма, огляделся.

Двор как двор. Обычный старомосковский каменный колодец. Ни деревца. Только освещенные и неосвещенные окна, асфальт, припаркованные машины.

Одна из них («ауди», кроссовер) вдруг коротко мигнула фарами. Кто-то там сидел за рулем. Женщина.

Это она мне? Больше во дворе никого не было.

Я подошел.

Опустилось стекло.

– Не угостите сигаретой? – спросил хриловатый голос, который я сразу узнал.

Это была она, красавица-брюнетка, заходившая к Громову попрощаться и так странно на меня посматрившая. Или показалось?

– У меня крепкие.

– Я люблю крепкие.

Я поднес ей зажигалку. Обычно, когда даешь прикуривать, люди смотрят на кончик сигареты. Но женщина смотрела на меня, сосредоточенно. В матовых

глазах вспыхнули два огонька.

- Так и есть, - тихо сказала она.

- Вы о чем?

- Садитесь. Покурим и поговорим.

Значит, не показалось. Что-то ей нужно.

Раньше меня не пришлось бы долго уговаривать сесть в машину к такой красотке. А сейчас заколебался. Ей что-то от меня нужно, а мне от нее - ничего. Так не отказаться ли, вежливо?

Но сел, конечно. В какой-то книжке я читал, что любопытство - один из самых живучих человеческих инстинктов. Сильнее только голод. И страх.

Она щелкнула кнопкой на потолке. В салоне зажегся свет.

- Зачем? - спросил я. - В темноте курить лучше.

- Хочу вас получше рассмотреть. В подвале толком не успела...

Она действительно уставилась на меня. Особенно ее заинтересовали шрамы. Их у меня два: от угла левого глаза вниз и на правой скуле. Следы осколков.

Я знал, что шрамы меня не уродуют, а только придают эффектности. Телки на них всегда залипают. То есть залипали. Теперь мне это стало по барабану.

Никакого женского интереса в цепком взгляде брюнетки не чувствовалось. Интенсивная, даже какая-то воспаленная заинтересованность - несомненно. Но не африканская страсть, это точно.

Что ж, поиграем в гляделки. Я тоже принялся ее рассматривать.

Необычное лицо. Я таких, пожалуй, не встречал. Только что оно казалось красивым – но женщина слегка повернулась, тени легли по-другому, и вся красота пропала. Медуза Горгона, и только. Я даже слегка отодвинулся. Но она приподняла подбородок – и я опять залюбовался.

– Я смотрю, мы оба не сторонники церемоний, – сказал я. – И место, в котором мы встретились, не располагает к светскому ля-ля. Поэтому спрошу напрямую. Вы ведь из нашей братии?

Если нет, то спросит: «Какой такой братии?» Но она не спросила.

– Ясно. Вы пришли к Громову прощаться, потому что... Потому что он вам помог?

Опять ни «да», ни «нет», только все тот же жадно изучающий взгляд.

– Он вам действительно помог?

– А?

Я понял, что она меня не слышала.

– Что с вами? – спросил я сердито. – Чем вы больны?

– Ничем. – Она прищурилась, будто решая или прикидывая что-то. – Я совершенно здорова.

Растерявшись, я пробормотал:

– Что ж вы делали у Громова?

Она отвернулась, включила фары.

– Потом объясню. Когда мы лучше узнаем друг друга.

– А за каким хреном мне узнавать вас лучше? – Я почувствовал, что закипаю. В последнее время я стал очень легко заводиться, с пол-оборота. – Покурили,

поболтали – и ариведерчи. Я сюда пришел не для того, чтобы с вами болтать. Мне нужно возвращаться к Громову.

Я взялся за ручку, даже приоткрыл дверцу. Но не вышел. Потому что напоследок посмотрел на женщину, а она на меня. Что-то неуловимое опять изменилось в ее облике. Она показалась мне ослепительно прекрасной. Главное, я никак не мог понять выражения ее глаз. Что в них читалось – мольба или насмешка? Если мольба, то отчаянная. Если насмешка, то очень уж злая.

– Громов от вас никуда не денется. А я денусь. Сейчас уеду – и вы меня больше никогда не увидите.

– Может, оно и к лучшему? – пробурчал я, сопротивляясь притяжению этого взгляда.

– Может быть. Это вам решать... – Она опустила голову. Сияние будто погасло. – Если я в вас ошиблась, то безусловно к лучшему.

И опять я не разобрал, что прозвучало в ее голосе – презрение или отчаяние?

Сейчас пошлю ее к черту, а потом буду ломать голову: кто она и что это значило? Вроде бы в моем положении должно быть на всё наплевать, но жизни осталось так мало. Может быть, это последняя загадка, которую жизнь мне загадывает.

Я захлопнул дверцу. Протянул руку.

– Николай.

Она шумно вздохнула.

– Слава богу. Не ошиблась. Лана.

Ладонь у нее была узкая, холодная и неожиданно сильная.

– Ты на машине? – спросила она. – Можем сесть к тебе, если хочешь.

– У меня нет машины. Давай к делу. – Я тоже перешел на «ты». – Тебе чего от меня надо?

Ответа я не получил.

– Поехали отсюда, а? У меня от этого места мурашки по коже. – Она поежилась. – Ты далеко живешь?

– Далеко. В Выхино.

– Машины нет, живешь в Выхино. А на лузера не похож. – Она завела двигатель, тронула. – В Выхино так Выхино.

– А кто я, если не лузер? Ниже падать уже некуда...

– От тебя зависит. Жизнь такая штука, что даже в самый последний миг можно отыгаться.

Я искоса поглядел на нее, ожидая продолжения. Но она молчала. Лампочку в салоне Лана погасила, по ее профилю скользил отсвет уличных огней.

Угол рта у нее подрагивал. Не мольба и не насмешка. Что-то другое.

– Так о чем будем говорить?

– Не гони. Я должна посмотреть, как ты живешь. Ты ведь один живешь? Это видно.

Ах, так меня не просто подвозят до дома? Ко мне мылятся в гости?

– Что еще тебе видно?

– Самое главное. Что мы нужны друг другу. Просто я это поняла сразу, а ты еще нет.

– Мне сейчас одно нужно. Участок на кладбище посуше. – Я ухмыльнулся, это у меня получилось не очень убедительно. – А что нужно тебе?

Молчание. Дороги были уже почти пустые, одиннадцатый час. Лана вела машину уверенно, совсем не по-женски.

– Ты вообще кто? – спросил я.

– Никто. Меня практически не существует.

– Интересничаешь...

Я отвернулся, стал смотреть на освещенные окна. Всё любопытство куда-то делось. То ли от сулажина, то ли от стресса я стал какой-то чудной. Ни на чем не могу сосредоточиться дольше, чем на несколько минут. Бывало, сижу, смотрю по телевизору кино, просто чтоб отвлечься – и скоро перестаю понимать, кто эти люди, о чем они говорят, из-за чего психуют.

– Адрес скажи.

Я вздрогнул. Мы уже проехали метро «Рязанский проспект». Это я надолго отключился. А о чем думал – не вспомнить. Может, ни о чем. Тупо глядел в окно – и всё.

Сказал ей адрес. Она набрала его в навигаторе – ловко, почти не отрываясь от дороги.

– Характер у тебя камень. Восемнадцать минут молчал. Ни разу на меня не взглянул. Мне такие мужчины всегда нравились.

Он заговорила по-другому. Ласково, чуть ли не заискивающе.

Мы уже подъезжали к моей тоскливой девятиэтажке. Она и раньше-то напоминала мне бетонный памятник на дешевом кладбище, а теперь подавно.

– Первый корпус – этот, так?

– Только у меня в квартире срач, – предупредил я. – Мягко говоря.

Лана коротко рассмеялась.

– А у меня в душе. Мягко говоря.

Опять интересничает. Бабы не умеют без этого, даже когда им совсем паршиво. А Лане, кажется, было сильно паршиво – я заметил, как дрожат у нее пальцы.

Лифт у нас в доме крошечный. Мы стояли очень близко, лицом к лицу. Она оказалась на полголовы ниже. Глядела на меня снизу. В таком ракурсе ее лицо опять переменялось.

Худенькая, хрупкая женщина смотрела на меня с волнением и трепетом. Как смотрят на последнюю надежду. Мы были в этом ящике, как в гробу. Отдельно от всех. Только она и я.

Лифт уже остановился, а мы всё стояли. Только когда двери стали снова закрываться, я опомнился.

– Пойдем... – сказал я глухо.

Мы начали рвать друг с друга одежду прямо в тесном коридорчике, не включив света. Я задыхался от нетерпения и жадности. Она тоже.

В комнате мы опрокинули стул. До дивана не добрались – повалились прямо на палас. И яростно, с рычанием и взвизгами, ударяясь о ножки стола и не замечая этого, терзали, рвали, пожирали друг друга. Не знаю, сколько времени продолжалось наше неистовое спаривание. Я никогда не встречал в женщинах такой алчности и такого неистовства.

Когда мы наконец расцепились, я перекатился на спину и долго не мог отдышаться. Смутно белеющая люстра выписывала надо мною круги, словно планирующая над Землей летающая тарелка. Стены покачивались. Пол кренился, как палуба.

– Николай...

Я с трудом повернул голову.

Лана лежала на боку, подперев рукой щеку и смотрела на меня. Ее огромные глаза влажно мерцали. Тело было узкое, серое.

– Теперь я вижу, что мы действительно были нужны друг другу, – сказал я, хмыкнув.

Она нетерпеливо дернула подбородком. В ней не было никакой расслабленности. Совсем наоборот.

– Ты кто? – спросила она. – У тебя глаза, как у волка. Тигриная пластика. Железные мышцы. Кто ты по профессии?

Я засмеялся. Впервые за двенадцать дней мне было почти нормально. Даже странно, как это я раньше не додумался до такого естественного способа релаксации.

Выбор следующей фразы:

1. – Секс как повод для знакомства? Ну окей, мадам. Позвольте представиться. Капитан Николай Раковский. Отряд быстрого реагирования Центра спецназначения. Тот самый СОБР, о котором вы наверняка слышали. (Вам на эту страницу ([#litres_trial_promo](#)))

2. – Секс как повод для знакомства? Ну окей, мадам. Позвольте представиться. Николай Зайцев. Старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Следственного управления. (Вам на эту страницу ([#litres_trial_promo](#)))

Часть вторая

ветвь вторая

Тряхнув головой, я отгоняю нелепую фантазию. Куда может звать меня женщина, которой я знать не знаю? Оборачиваюсь к Громову.

- Спасибо, Тоня, - очень серьезно сказал Громов. - Это важно, что вы меня послушались. Ничего, что я назвал вас «Тоня»? Может быть, лучше «Антонина»?

- Антониной я была две недели назад. Теперь я Тоня. Потому что тону и хватаюсь за соломинку.

Это я попыталась пошутить. Он не улыбнулся.

- Вы не утонете. Наоборот - вынырнете. Обещаю.

Я несколько напряглась - очень уж благостно это прозвучало.

- Мне говорили, что здесь не религиозный кружок или что-то такое...

Вот теперь Громов улыбнулся, а по комнате прокатился смешок.

- Нет, мы тут не молимся, на Бога не уповаем. Религиозные люди ко мне не приходят, у них и так есть утешение. Отчаянный страх смерти - удел атеистов и агностиков. Тех, у кого нет веры. Каждый здесь справляется с этим страхом по-своему. И все вместе помогают друг другу. Позвольте, я представлю вам остальных. И вы сразу перестанете чувствовать себя такой одинокой.

Он подошел к Стрекозе, положил ей руку на плечо.

- Зоя через неделю ложится на операцию, вероятность успеха которой, согласно статистике, не больше двадцати процентов. Уже дала подписку, которая освобождает клинику от всякой ответственности. Вам может показаться, что один шанс из пяти - огромное богатство по сравнению с ситуацией, когда у тебя нет ни одного шанса. На самом деле это еще страшнее. Крошечная вероятность спасения катастрофически травмирует психику. Не дает возможности смириться с неизбежностью - ведь не факт, что это неизбежность.

- Все равно, - сказала я. - Я бы поменялась.

– Знаете, что сделала Зоя? – спросил Громов, не обратив внимания на мою реплику. – Ушла от мужа. Любимого. Прожили вместе почти тридцать лет.

– Ушла? Зачем?

Я смотрела на Стрекозу, но за темными стеклами ее глаз было не видно.

– Чтобы не подвергать его такому испытанию. Сказала ему, что теперь, когда сын вырос и уехал, им оставаться вместе незачем. Она хочет пожить одна. В свое удовольствие.

– И что муж?

– Он не знает про мою болезнь, – сказала Стрекоза и прижалась щекой к руке Громова. – Думает, у меня от менопаузы крыша поехала. Если операция удастся, я к нему вернусь. А если нет – ему будет легче. Он ведь и так меня уже как бы потерял.

– Не понимаю. По-моему, это как-то не по-людски.

Никогда бы я раньше не сказала такое человеку прямо в лицо. Но теперь вся моя былая деликатность куда-то подевалась. Известный антропологический факт: у девяносто девяти процентов людей в обстановке смертельной опасности пропадают все навыки цивилизованного поведения. И только один процент продолжает вести себя с достоинством. Я не из этого процента.

– Видно, ты, милочка, никогда никого по-настоящему не любила, – отплатила мне Стрекоза той же монетой.

– Брэк!

Громов поднял ладонь жестом рефери, который останавливает боксерский клинч.

– Это Александр Николаевич, – показал он на Черепаху, который мне слегка поклонился, оскалив морщинистую физиономию. – Он тоже ничего не сказал домашним про свою болезнь. Но по другой причине. Хотите рассказать Тоне

сами?

- У вас лучше получится. Главное - короче. А то, если начну, сами знаете...

- Знаем, - решительно заявила Стрекоза. - Еще раз я не выдержу.

Черепях засмеялся, комически развел руками: ну вот, видите.

- У Александра Николаевича молодая жена, которую он очень любил...

- А она меня - постольку-поскольку, - подхватил Черепях. - Постольку, поскольку успешен, обеспечен и беспроблемен.

- Алё, мы договорились! - Стрекоза сердито заерзала. - На жалость не давить и к черту подробности!

Гюрза, зевая, полировала ногти хищно-багрового цвета. Баранчик не сводил с подруги жалобного взгляда.

- Довольно обычная история, - с печальной улыбкой сказал мне Громов. - Состоявшийся человек женился на юной красотке. Взаимовыгодный обмен: благополучие в обмен на молодость. Но одна из сторон нарушила соглашение и боится, что партнерша об этом узнает.

- Она меня сразу бросит, - вздохнул Черепях. - Никаких сомнений. Это бы ладно. Она ребенка заберет. Без жены я бы как-нибудь дожил. Сколько мне осталось? Но без дочки не смогу. Каждая минута рядом с ней - это счастье. Умом я понимаю, что девочке лучше от меня отвыкнуть. Что для нее моя смерть будет шоком. Но ничего поделать с собой не могу. И терзаюсь из-за того, какое я эгоистичное дерьмо...

- А что у вас за болезнь? Сколько вам осталось? Это известно?

- В том-то и дело, что неизвестно. Не буду обременять медицинскими подробностями. У меня обнаружили редкую патологию сердечно-сосудистой системы. Я могу умереть через минуту, а могу протянуть еще год или два. Два года жить одному? - Он передернулся. - Нет, этого я точно не смогу.

Я повернулась к Громову:

- Что вы тут можете сделать? Избавить Александра Николаевича от эгоизма? Чтобы он спокойно подышал в одиночестве?

- Не знаю. У меня пока нет ответа. - Громов задумчиво покачал головой. - Но мы работаем над этим.

- А с вами что? - спросила я молодую пару.

- Со мной всё окей, - сказала Гюрза, наматывая на палец черную прядь. - Химия не помогла. Один врач говорит: месяц, другой: полтора. Плевать. Скорей бы уже. Хорошенького понемножку.

- Зачем же вы сюда ходите, если плевать?

- Из-за него. - Она показала костлявым пальцем на своего кудрявого спутника. У того на глазах выступили крупные слезищи - как в индийском кино. - Сильно психует.

- А что у вас за болезнь? - спросила я тогда парня.

- Я здоров... - Баранчик всхлипнул. Слезы скатились по румяным щекам. - Спасибо...

Это Громов подал ему салфетку.

- Ко мне не так редко приходят подобные пары. И всегда в психологической помощи больше нуждается тот, кто остается.

- Я не останусь! Не останусь! - вскрикнул Баранчик.

Гюрза закатила глаза ко лбу.

- Сделайте уже с ним что-нибудь, Олег Вячеславович!

Вот, оказывается, как звали Громова. Почти что вещий Олег.

– Блин, ты достал со своими истериками! – зашипела желтолицая девица, оскалив мелкие острые зубы. – Вытри сопли!

– «Из мертвой главы гробовая змея шипя между тем выползала», – продекламировала я. – Вы вещего Олега не укусите?

Я же говорила: в моем нынешнем состоянии у меня что на уме, то и на языке. В этом гулком, пустом ощущении свободы от всего на свете, вероятно, был бы своеобразный кайф. Если б не тошнотворный, неотступный, тоскливый ужас, если б не бессонница, если б не сулажиновая зависимость.

– Три стервы на одну комнату будет многовато, – ответила мне Гюрза, но довольно мирно, без агрессии.

Олег Вячеславович трижды хлопнул в ладоши.

– Всё, познакомились. Прошу тишины и внимания! Сегодня поиграем в детскую игру. Каждый из нас в раннем детстве любил вообразить собственные похороны. Как все плачут, произносят трогательные речи, терзаются тем, что нас обижали, и прочее. Было такое?

Кивнули все кроме Гюрзы.

– Я играла по-другому, – заявила она. – Я хоронила бабочек в спичечных коробках. Заживо.

– Тогда с вас и начнем, – ласково улыбнулся ей Громов. – Сейчас будут ваши похороны. Вы умерли, и мы провожаем вас в последний путь. Сначала произнесу речь я, потом остальные.

– Супер. Но если я померла, я лучше лягу. – Неприятная девица составила стулья, улеглась, сложила руки на груди, закрыла глаза – и точно: сделалась самой настоящей покойницей.

– Рит, не надо, а? – жалобно проблеял Баранчик. – Встань, а?

Господи, подумала я. Как меня занесло на это фрик-шоу? Зачем я тут торчу? Почему не уйду к чертовой матери?

Но не ушла.

Мы встали вокруг «усопшей», которая, по-моему, вошла в роль с большим удовольствием.

Громов тихо заговорил:

– Сегодня мы прощаемся с Маргаритой Степановой. Она прожила короткую и красивую жизнь...

Гюрза, не открывая глаз, процедила:

– Только без брехни, окей? А то меня стошнит прямо в гробу.

– ...Она прожила короткую и красивую жизнь, – повторил Громов. – Короткая жизнь всегда красива, потому что прерванный в начале полет, надломленный свежий стебель, недозвучавшая мелодия наполняют душу острой печалью, а это сильное и красивое чувство. Наша Рита была ярким человеком и замечательной художницей. Ее дерзкие фотоколлажи заставляли нас то восхищаться, то возмущаться. Думаю, со временем вклад, внесенный Ритой в искусство, оценят не только читатели ее блога, но всё художественное сообщество. Мы с вами видели лишь малую часть Ритино наследия. Слава богу, у нее есть преданный друг, Леонид Ригель, который собирается открыть большой сайт, где будут собраны и классифицированы все работы Маргариты Степановой.

Баранчик несколько раз кивнул головой. Потом яростно замотал ею. Олег Вячеславович слегка коснулся его руки и продолжил:

– Тяжелая болезнь омрачила последний год Ритиной жизни, превратила ее в суровое испытание. Многих сломали бы такие страдания. Но Рита была сильным человеком. Она не предавалась жалости к самой себе, не мучила окружающих, не теряла достоинства. Несмотря на мучительные процедуры, на слабость, Рита продолжала работать. Она создала два новых художественных цикла, и этот последний период стал расцветом ее творчества. У покойной был трудный,

конфликтный характер. Она часто ссорилась с людьми, бывала резкой. Но люди, общавшиеся с ней, в последний год взглянули на Риту по-новому. К сожалению, обычно мы начинаем по-настоящему ценить человека, только когда теряем его...

Он сглотнул, голос дрогнул. Я вдруг поняла, что Громов волнуется – он говорит искренне, он сам растроган.

– ...Понимаете, когда человек уходит, после него в ткани бытия остается рваная рана. О масштабе и качестве ушедшего можно судить по размеру и глубине этой раны, по тому, насколько медленно она заживает и большой ли потом образуется шрам. На свете немало людей, исчезновение которых проходит почти незамеченным. Потому что их жизнь была малоосмысленной, и никто по ним не заплакал. А смерть Риты стала горькой потерей для многих, очень многих. В блоге у нее были тысячи «френдов», следивших за ее записями и творчеством. За последнее время число тех, кто сострадал Рите, восхищался ею, молился о ее выздоровлении, многократно возросло. Но Рита ушла, и теперь в тысячах душ осталась кровоточащая рана...

На этом прочувствованная речь прервалась, потому что Баранчик с ревом кинулся к «покойнице», сел на корточки и, давясь рыданиями, завопил:

– Марго, Марго! Почему ты не взяла меня с собой? Что я тут один? Как? Они все забудут, для них ты просто блог, а я... Я все равно умру!

Поднялась мощеобразная рука, щелкнула Баранчика по лбу.

– Ты чего, очумел? Перестань меня тискать, больно!

Гюрза приподнялась, злобно оттолкнула скорбящего. Тот шмякнулся на мягкую попу, захлопал глазами.

Это выглядело так комично, что я рассмеялась. Черепак держался за живот и хохотал. Стрекоза скалила неестественно белые зубы. Громов улыбался.

– Не удивляйтесь, – сказал он мне. – Наши занятия часто оканчиваются взрывом веселья. Правда, обычно сессия продолжается дольше. Но после этой интермедии, боюсь, вернуться в правильное настроение нам уже не удастся. На

сегодня всё. Завтра увидимся в то же время.

После этого все как-то очень быстро ушли, а я замешкалась.

Громов сел за стол и что-то записывал в блокноте. А я стояла у двери и медлила. Сама не знаю почему.

Нет, знаю. Нужно было решить, приду ли я сюда снова. И чего-то не хватало, чтобы определиться: да или нет.

Олег Вячеславович отложил ручку, поднял глаза. Я хотела сказать «до свидания» – и не сказала. Некоторое время мы молчали.

Потом Громов поднялся и подошел.

– Я ждал, останетесь вы или нет. Не хотел влиять на ваше решение. Часто бывает, что люди после первого занятия уходят и больше не возвращаются. Вы здесь первый раз, мне хотелось бы поговорить с вами индивидуально, но в таких случаях я никогда не проявляю инициативы. Если человек чувствует, что я могу помочь, он делает первый шаг сам. Если нет – значит, ему нужно что-то иное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.me/ru/boris-akunin/sulazhin>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)